

РОЛЬ И МЕСТО ИНДИВИДУАЛЬНОГО ШТЫКОВОГО БОЯ В ТАКТИКЕ РУССКОЙ ПЕХОТЫ В СРАЖЕНИЯХ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОХИ

Выходит до настоящего времени сохраняется устойчивый миф о том, что русские войска проявляли свою доблесть и побеждали на полях сражений наполеоновской поры во многом благодаря личным массовым штыковым атакам и умелому индивидуальному владению штыком. Это ложное мнение о значительной роли и месте штыкового боя в тактике русской пехоты культивировалось на протяжении всего XIX столетия, в usherp иероглифом методизм ведения войны, что впоследствии сыграло злую шутку с российской императорской армией на полях русско-японской войны 1904–1905 годов. Несмотря на столь печальные итоги войны с японцами, миф о молодецком русском штыковом удире продолжал обрастиать тишиной количеством домыслов и легенд, что превратился на сегодняшний момент в неспоримый факт. Этому во многом способствовала на протяжении десятилетий большая масса людей, в числе которых особенно выделялись идеологические агитаторы из военной истории и писатели-романтики. Чрезмерный акцент в раздувании этого мифа внесли кинематограф и телевидение. В конце 90-х годов прошлого века к нему прибавились и откровенные проходимцы, получившие возможность открыто публиковать свои измышления. Из периодических изданий значительный вклад в дезинформирование читателей внес «Военно-исторический журнал», не без основания называемый покойным В.В. Завицким — «Военно-исторический журналом», за свою тенденциозность в изложении материалов. Так вот, этот журнал перенесла из другого журнала — «РООС»¹ — без сокращений статью об эволюции штыкового боя в России некоего Ю.И. Бажкино, содержащую массу неподтвержденных утверждений, часть из которых я процитирую в своем довладе. Кроме этого, следует процитировать ряд наиболее часто встречающихся устойчивых заблуждений из современной научно- популярной литературы.

Так, Валентин Тарагорин в книге «История боевого фехтования» заявляет, о том, что «Утверждение, что русский штыковой бой был лучшим в Европе, хоть и набирал всем осколки, тем не менее, справедливо, и это признавали в любой армии вплоть до Второй Мировой войны»². Заметим, что это смелое заявление не подкрепляется ни одной ссылкой на один источник. Другой автор в книге, выпущенной тем же издательством, что и произведение Тарагорина, безапелляционно заявляет о

том, что «Вслед за суворовскими "чудо-богатырями" наступательный штыковой бой сформировал армию республиканской Франции. В ходе Наполеоновских войн его признали армии и других европейских государств»³. И это лишь малая часть примеров из собранной мною коллекции заблуждений о русском штыке.

Для обсуждения штыковой темы с самого начала необходимо определиться с используемыми понятиями и терминами, которые часто применяются различными авторами не к месту, тем самым исказяя их первоначальный смысл. Понятия «штыковой удар», «штыковая атака», «взорвать неприятеля штыками», «войти в штыки» не имеют к штыковому бою никакого отношения. Штыковой бой во все времена являлся разновидностью близкого боя, который крайне редко зачинялся штыковой атакой. Так, Ланнерон, активный участник наполеоновских войн оставил следующую запись об ульриде в штыках: «Это последнее выражение... может заставить думать людей, не бывавших на войне, что два сражающихся войска колотят друг друга штыками, но это не так... Я лично воевал и, за исключением пару раз, не видел двух отрядов солдат, действительно сражавшихся штыками; точно также никогда я не видел сражений кавалерии. Обычно один из противников опушает раньше нападения другого. Для них это раза в пять, как кавалерия пробуждается в пехоту»⁴. В моём докладе речь пойдет именно о штыковом бою. Перечисленные же выше термины относятся к разновидности атаки без применения ружейной стрельбы, целью которой является вытеснение противника с занимаемой позиции, предотвращение его атаки или нарушение боевого построения.

Как же в действительности обстояла ситуация с ролью штыка в тактике русской пехоты, попытаемся разобраться на основании сохранившихся документов и описаний фактических событий. Но заранее нужно отметить тот факт, что использование штыка как оружия наступления никогда и никем не признавалось эффективным. Штык был результативен только во время преследования вражеской пехоты, потерпившей способность к организованному сопротивлению, или для отпугивания лошадей при отражении кавалерийских атак.

1. Знали ли русские солдаты приемы рукопашного боя со штыком? Ответ на этот вопрос кроется в уставных положениях и в тактике ведения боя, принятых в то время.

Русская пехота обучалась в эпоху наполеоновских войн по уставу, принятому еще в царствование Петра I в 1797 году. Сам Павел, являясь поклонником полководческого таланта прусского короля Фридриха

Великого, все уставные правила основывали на уже устаревших правилах середины XVIII века. В период Семилетней войны тактические правила Фридриха были наставляемы прорывом в военной науке. Его маневренный и сосредоточенный огонь разбросанных линий, и в особенности линий уступами, произошли на противника сокрушающее воздействие. Но военная наука не стояла на месте. Наибольший всплеск в развитии тактики был пришелся на время французских революционных войн, плавно перешедших в эпоху «августовских войн».

По русским солдатам предполагали обучаться по-старому. Основная цель при обучении пехотинца заключалась в приспособлении его к избитой тактической схеме, которая заключала залповую или палубоножную стрельбу разбросанных линий при наступлении или отходе. В начале же XIX в. пехоте наивысших европейских государств потребовалось осваивать новые способы ведения боёв: манёвр, скорые перестроения из колонн в линии и обратно, рассыпание из колонны в густые массы. В России продолжали обучаться только строевым приёмам в симметричных линиях, стоя оплечом к плечу, и лишь после войны 1805 года в войсках стали внедрять маневрирование колоннами и плацами. К штыку в «августовском» уставе относились единственное замечание, да и то хозяйственного характера: «Капитанам содергася в добре составленых пакетах или пакетах и пакетах, набитых, чтобы они были однокоренные, чтобы ящики были чисты, не покрашены, без лубурии, и чтобы ложки были исправны с крючками и наконечниками⁵. Эти замечания были направлены, в первую очередь, на поддержание холдиного оружия в боевом положении, а на сохранение дисциплинарного единобрачия, необходимого при проведении штрафов-нарадов и тиркоустенных маршей на плацах.

Единственный приём, из которого солдат теоретически мог извлекать штыком, было выполнение команды «на руку», и то, по уставу, это требовалось проводить в три темпа: 1. Прыгни рукою вперёд за ружьё, и левом повторяю ружьё так, чтобы замок вывернулся вон. 2. Подесь. 3. Онущи ружьё на левую руку, оставляя правую позади линии, и при этом постреми правую ногу назад; ружьё держать так, чтобы оно лежало ровно, не приподнявая его в верх не комором концем⁶. Кроме «августовского» пехотного устава, в начале царствования Александра I преподавали пользоваться инструкциями ещё гатчинских времен. Так, инструкция «Гатчинские приказы или машинёллы воинским единицам с полагаемыми начечтаниями в 1794 г. для гатчинских войск тогда ещё великого князя Павла Петровича, перенесенная в 1798 г. и использовавшаяся в войсках до 1810 г. А в этой инструкции от солдата требовалось следующее: «Для солдатам всего пурпурнее уметь хорошо маневрировать, и для того должен он саму совершенно обучен быть, дабы и в большей экспертизы мог стать твердо знать разные комбинации и

белечицу шагов, чтоб оных никогда не терять, разве в самых первых и трудных местах, или от селакой усталости⁷. Так что говорить о солдате наполеоновской эпохи как об индивидуальным высококлассным бойце не приходится.

Перед началом войны 1812 года на смеси «августовскому» уставу должен был пройти новый регламентный документ – «Воинский устав о пехотной службе» 1811 года. Несмотря на то, что новый устав вобрал много из французского, британского и австрийского уставов, самые передовых армий того времени, никаких изменений на прибытии атаки или обороны с использованием штыка в нём не присутствовало. Лишь несколько упростились по сравнению с «августовским» уставом выполнение призыва «На руку». Теперь он выполнялся в два темпа (приёма). Из положения «на плечо» ружьё с принятным штыком по команде «Ряд» перекатывалось правой рукой за штык на приклад. Вторым приёмом: «По команде ДВА, повернувшись на каблуках вправо-обратно вправо и с оным, правую руку перекинуть ружьё на правую сторону, а левую охватить крепче у центральной трубы четырьмя пальцами через ремень, большим пальцем то же, и ложить пристрой. Держка ружьё на руку, правой руке быть со всем вышинущим по линии: малое должно быть снаружи против прямой линии в русле вложено к оной; фуло оных поднять, чтобы конец штыка был против левого глаза⁸. Единственный приём, который по новому уставу с пакеткой можно было отнести к боевому приёму со штыком, но-превью оставался приём «на руку» – переворот ружья с принятым штыком из положения «на плечо» в положение ружья со штыком «высред сабой». К сожалению, новый устав не успел попасть в войска (хотя два раздела нового устава «Рекрутская школа» и «Ротное ученичество» вышли перед самой войной 1812 года), и в войсках пользовались старыми установленными положениями.

Уже летом 1812 г. в войсках 1-й и 2-й действующих армий распространялась дополнительная инструкция «Наставление солдатам пехотным офицерам в день сражения». Эта инструкция приписывается в статье Блажко М.И. Кутузову. Автор с персидской убедительностью пишет, что «Исклучительно большое внимание штыковому узлуру былоделено в разъяснении в войсках в июле 1812 г. "Наставление генералам пехотным офицерам в день сражения". В нем, в отличие от устава, штыковой бой как в обороне, так и в наступлении определялся как главное средство достижения победы. Каждый офицер должен был личным примером воодушевлять солдат в рукоищных схватках⁹. К сожалению этого автора, я вынужден отметить, что «Наставление...» было разослано в войска действующей армии задолго до того, как Кутузов назначили главнокомандующим (разослано войскам 2-й армии 17 июля 1812 г.). Так что к

и ему это наставление не имеет никакого отношения. Да и сам текст «Насыпляем...» не содержит даже близко того, о чём пишет Бланко.

Для убедительности приведём полностью все отрывки из «Насыпляем...», прямо или косвенно связанные с применением штыка. Итак: «Когда фронтами мрут не винами, то решимому командиру должно также идти впереди своей роты с артиллерией в руках, и быть в полной надежде, что подчиненные, одураченные пылким примером, никогда не допустят его одного поражаться во фронте неприятельского...»¹⁰. В этом отрывке говорится о примере офицера бою, как важнейшем факте при наступлении на противника. Далее, где ещё по тексту упоминается штыковые атаки, можно прочитать следующее: «Когда неприятельский фронт сбит штыками, тогда более всего нужно заняться офицерам приведением почтас фронта в порядок, и таким же образом должны заняться убежжащими частями неприятеля из-под штыков, кроме тирочно высажденных для этого из третьей шеренги...»¹¹. В этом абзаце речь идёт о важности соблюдения порядка и дисциплины в строю. Далее солдатам упомянутой третьей шеренги рекомендуется следующее: «Сии долеши уже знать ты неприятелю живо, колоти в головы и поклоны всех, в случае же обнаружения неприятельской крапивы воспользоваться, как предписано свидетельством...». В этом отрывке рекомендуется использовать штык для дозрения разгрома противника, прекратившего всякое сопротивление, и не как основное орудие достижения успеха. Предложение по использованию в бою штыра в штыки содержит только один отрывок в «Насыпляем...»: «Офицерам же доводится становиться одною перспективою, посыпливши ударом случая, чтобы ударить в штыки с краинкою "ура!" для того, чтобы краиком своим возбудить вспышение боевого духа командира...».

...если бы стрелкой левая неприятеля еще давайте отбить от себя, то ударить еще на него в штыки. Такими смеющимися атаками всегда скорее проходит неприятеля из кроющих лесов и с меньшему потерю людей, нежели перестрелка»¹². Но и здесь нет никакого намёка на то, что штыковой удар был главным средством для достижения победы. В приведённом отрывке речь идет об использовании штыковой атаки для вытеснения неприятеля с выгодных позиций, а не для нанесения противнику урона в живой силе.

Несмотря на то, что в русской пехоте в период наполеоновских войн насаждаемая система обучения солдат не всегда соответствовала требованиям времени, в войсках эта недостаточность компенсировалась ещё сохранившимися традициями прежней, «катерининской» эпохи. Суворовские времена всё же оставили после себя солдатам новой эры наполеоновских войн очень простой, но при этом очень действенный приём для рукопашного боя штыком – прямой

удар в грудь или в живот противника, с быстрым уходом на исходную позицию. В воспоминаниях ветерана русско-турецких и наполеоновских войн унтер-офицера Поповичева (реальный персонаж, подтверждённый документами из РГВИА) описывается эпизод штурма турецкой батареи в Сулийских горах (часть Дунай) в 1807 г.: «...я с горяча скотчна на барабане и в глазах майора увидел мятежную пружину, который французы приспособили орудие, и немедленно ударились, когда пружину взнесло тако, чтобы соединиться с ног, все еще вертился во штыки! Чью это, думало, пыльче и стала сматывать киянку? И дернула штыковая мадзю – мой белый парик и не думал, брызнувшись и покинувши в углах бараки»¹³. Далее в своих воспоминаниях Поповичев отмечает, что такому эффективному уколу штыком его научили ещё при Суворове. Примечательный пример не даёт никаких оснований говорить даже о зачатках какой-то системы штыкового боя. Нашицо только один простой и эффективный удар. Так, что о какой-либо системе говорить не приходится. Но французы не были обучены даже этому удару, о чём мы расскажем далее.

Под Фридландом 14 (2) июня 1807 г. возне один из редких эпизодов сражения, перешедший в штыковой бой. Во время отхода полков русской гвардии преследовавшие их французские пехотинцы перешли в рукопашную схватку. Автор «Первой польской кампании» 1806–1807 гг. В.Н. Шинкевич писал под влияние одного из мифов о том, что французы наравне с русскими считались в тот период лучшими рукопашными бойцами. В его трактовке случившаяся схватка происходила следующим образом: «Маленькие гусаки, которые еще недавно пребывали у Наполеона в хлебе, теперь убийца «серебряных колесом», торжества из штыковами и грудью белые французы просто не могли домогаться». Это была победа «погонщикам шай гигантам»¹⁴. Шинкевич в данном случае пошёл по пути Тараторина, который также утверждает, что «Французы, сами нечаяно времена ухватившие рукопашный бой, и те признавали первенство в штыковой схватке за русскими»¹⁵. К сожалению, факты опровергают оба автора. Французские пехотинцы не только не видали призыва штыкового боя, во порой не имели штыков вовсе. Об отсутствии у французов штыков рукопашного боя русский унтер-офицер Тимофеев, участник Бородинского сражения, отмечал в своих воспоминаниях следующее: «Командирами имел нас к Бородинским птицам часу в косынки, когда не поднее. Подошли к нам две бригады, а претмы в кустах было, насторожились, ударили в штыки: французы замкнулись, как юрекие (смеялся). Французы грабят. Под гардианами споем хорошио, да картечью и ядром заби смето, пропаха кавалерии держаться брано, а в сиренках ему ракамо не сыщено. А на пыльчи, нет, не горазд. И колоти он дра, не по нашему: тычет тебя в руку, или в ногу, а то бросит ружье и перебросит с тобою в ручную схватиться. Грабят он, да уж очень пожег»¹⁶.

О том, что русские солдаты презирали французов как рукопашных бойцов, говорит и другой случай, произошедший в кампании 1806–1807 гг. в Восточной Пруссии. Участие того похода С.Г. Волконский оставил об этом событии такую запись: «Я непременно вернусь, мавз штыковой бой. Очевидцы рассказывали мне, что Екатериногорской драгунаберцкой полк так был удивлен, что французская колонна ванникажев дерзала с нами вступить на штыковой бой, что в одно свою горячность: "эти медоростки небоязнины наших штыков" и, повернув ружья, прогнали французскую колонну прокладками»¹⁷.

Чтобы окончательно закрыть этот вопрос, обратимся к книге О.В. Соколова «Армия Наполеона», изобравшей в себе обширнейшие источники по французской армии периода революционных и наполеоновских войн, где о штыковом бое говорится следующее: «Несколько уроков штыкового боя, в том числе каких-либо других видов единоборств сооружены или без оружия, не давалось. Вероячно, ощущением, что и во всех других армиях Европы – австрийской, русской, прусской, метрополий – дело обстоит точно также. Причина этого явления очень проста: дело в том, что... успев, используемый в наполеоновской армии, никак, кроме, как и все успев других армий в этом первом, был составлен исходя из опыта сражений этой личной практики, а в них, как чищецило уже изложено, по возможности избегали рискованного спора, в действительности же массажи находились прежде всего на заветный оглон»¹⁸. Кто-то захочет возразить моим выводам, выдвинув версию о том, что навыки владения штыком предизванициально не входили в официальные инструкции, а передавались в солдатской среде как система практических знаний из поколения в поколение. Такая версия является чистейшим вымыслом и могла родиться только у людей, либо знакомых с принципами боевой подготовки солдат XVIII–XIX вв. Во-первых, процесс обучения проходил под наблюдением непосредственных командиров, которые, хотя и допускали тирольский подход к установному обучению войск, но в рамках существовавших тактических схем. Далее. Техника ведения боя в XVIII и первой четверти XIX в. не предусматривала использования штыка как основного средства при достижении победы над противником. Поэтому не было необходимости загружать и без того насыщенный набор ружейных приемов бесполезными фехтовальными упражнениями со штыком. К тому же сами формы построения войск в ту эпоху не предусматривали для солдата, находившегося в строю, возможности нанесения удара штыком. Во всех вариантах боевого построения – при развернутом строю линии, при движении пахающей колонны и при нахождении в четырехугольнике каре – солдаты располагались стесненно, плечом к плечу с товарищами, без

свободного движения, необходимого для выполнения ударов штыком. И самое главное – тактика наполеоновской эпохи не предусматривала близкого боя, бес которого не могло произойти штыковой рукопашной схватки. Но и при случайных столкновениях боевых линий всё внимание уделялось не рукопашной схватке с противником, а сохранению смызнутого строя. Что ярко описал в своих рассказах участник войны 1812 года Рафаил Михайлович Зотов. В октябре 1812 г. под Позеном их дружины Санкт-Петербургского ополчения из состава корпуса графа Витгенштейна сошлись с баварской пехотой: «Пехотники в ту же минуту сорвались и смызнули наши фронты, скомандовав "ни руку" – и, не выкладывая неприятеля, велия дружно и спешно удирать на него. Раздалось практическое ура! фронты мы демаскали; офицеры отошли за фронты и обходили своих вездес, утверждая солдат не работать. На этот раз бактерии не пробели, а с бердескою шаги по нас. Чрез несколько минут оба фронта соединились – и началась рукопашная. Ниша солдаты были сильнее, смелее, но неумелее. В жару схватки они в разных местах рассредоточили машину ложью, и мечомах 29 баварцев одруге прорвались сквозь наши фронты»¹⁹.

2. Рукопашные бои между пехотой противоборствующих сторон в же происходили, но носили исключительно случайный характер и не имели решающего значения на итог битвы. Большинство рукопашных схваток в тот период были следствием плохих погодных условий (снежные метели и туманы), мешавшие вести направленный огонь по противнику, тем самым помогавшие приблизиться атакующей стороне к приложенным войскам с минимальными потерями. Также на случайный характер рукопашных схваток влиял и сложный рельеф местности, из-за которого часто обе противоборствующие стороны бывали застигнутыми врасплох и тем самым вместо маневренного египетского боя переходили к неорганизованной рукопашной драке из-за неготовности и неопытности одной из сторон.

Ярчайший пример, подтверждающий мои выводы, произошел в одном из эпизодов сражения при Прейсиш-Эльде 27 января 1807 г. В этом сражении произошла одна из самых грандиозных рукопашных схваток за весь период наполеоновских войн. Но и этот кровавый эпизод стал также проявлением цепи случайных, а не преднамеренных событий. Из-за метели и густой стены снегонада пехотные колонны генерала Ожера сбились с заданного направления и вышли вязкогную на центральную русскую батарею и развернутые пехотные полки. В этот момент, по свидетельству Дениса Давыдова, «Семидесяти зевел рыжину адом, и град картечка ложется по зевелу русской, засмучка по жутой грамаде костей и мяса. В одно мгновение

Московский гремадерский, Шласельбургский пехотный и пехотный бригады генерала Самово, склона штыки, ринулись на него с яростьюю. Французы вспыхнули; но, ободрившись, они подстегнули остальных штыкам и стали сражаться. Произошло сражение довольно неподвижное. Более двадцати тысяч человек с обеих сторон вонзали трехгранные острые фузы в друга. Головы валялись. Я был очевидцем сражения этого замечательного побоища и скажу, по моим сведениям, что в продолжение всей эпохи этой войны на голландских, спасавших нас наименее опасной эпохой века, я подобного побоища не видывал! Оно получилось не было слышно ни пушечных, ни ружейных выстрелов, ни в середине, ни вокруг его: скандал был только какой-то невыразимый гул перемещавшийся и разумеющийся без поиска тысячи храбрых. Груды мертвых тел освистывали свежие трупы; люди падали один на других соплеменников, так что вся эта часть поля сражения вскоре уподобилась высокому парашюту под ногами изящного укрытия. Наконец крик «всё»! Корпус Ожера был опрокинут и жарко преследовано нашим пехотою...»²⁶. Как видно из этого соплеменника, сближение чуть не в лоб стало исходным для обеих сторон, иной тому были катаклизмы природы. В ясную погоду французы пришли бы решиньи здри в прямую атаку на столь мощную артиллерийскую батарею, а русские пришли бы попустушили к себе на минимуму дистанцию колонии Ожера.

Наиболее частные эпизоды с применением штыковых рукопашных схваток встречаются в Русско-шведской войне 1808–1809 гг. Но этому было свое объяснение. Боеевые действия происходили в Финляндии, всегда отличавшейся своим склонным реальном, большим количеством езёров, болот и непроходимых лесов. В таких условиях даже сражения, не говоря уже о мелких стычках, проходили в узкой полосе дорог и речных перекрестьев. В таких сложных условиях противоборствующие стороны постоянно находились в близкий контакт, переходивший в рукопашные схватки. Но и они проходили хоть и жестоко, но скоротечно, без каких-либо премудростей, которые могли переходить в фехтовальные поединки. Именно тогда некоторые русские офицеры в ходе боёв придумали тактику прорыва из окружения с помощью атаки штыками. Вот что во этом походу написал участник шведской войны, энтузиастом замечательный русский литератор Фадей Булгарин: «Майор Глаков, разделяя свой отряд на две части, кинулся отвесно на правление к садочку бросаясь на непримятеля штыками, пробивая ружейными боем через его ряды и, пробежав сию сажень, остановился, собрав людей, построив во фронт, и начал отсекать в порядке отступающихся»²⁷. Здесь штыковая атака использовалась небольшим подразделением как таран для прорыва окружения. Если штыковые атаки происходили крупными силами, то они,

как правило, проводились только при плохой видимости, в сумерках или ночью. Всё это делалось для скрытого подхода к противнику и уменьшения потерь от дистанционного ружейного и артиллерийского огня обороняющихся. Так, в сражении при Оровайсе командующий русским корпусом граф Каменский повел в атаку «на штыки» колонны четырех резервных батальонов в глубинах вечерних сумерек, да еще и под прикрытием тумана. Именно погодные условия подтолкнули командующего графа Каменского атаковать шведов на штыки, не боясь больших потерь от пули в картечке. Как описывала это дело Булгарин, «Ничто не может сравниться с удовлетворением любови пра этим изгнанием нападения; они воображали, что дело уже кончено, и победа одержана. Граф Каменский сам вел колонну в атаку, и матчи солдаты, как отчаянные, бросались с примкнутыми штыками на открыты Адерсгренца в Фелсегата, уже овладевшими полем сражения. Настигла резня, а не битва! Дрались руками, на штыках. Голос графа Каменского возбуждал в наших посыпки энгар к битве. «Ребята, не пытайтесь! Вперед! Коги!» – кричал граф Каменский, и матчи солдаты бросались в ряды, и вырывали ружья у автодов»²⁸. Вслед за этими четырьмя батальонами левый и правый фланги русских сразу возобновили наступление, и шведы дрогнули. Уже беспардонную толпу шведов «...преследовали штыкими две ворсты, за кварту Оровайса, где граф Каменский должен был остановиться, потому что он усталости солдаты наши «все демася»²⁹. Вот так завершилось одно из самых ярких сражений этой войны, сравнимое некоторыми шведскими современниками со сражением при Маренго.

Даже в грандиозном по своей опасочности, напряжению сил и потерям с обеих сторон Бородинском сражении штык не отводился никакой заметной роли. «Основную скрипку» в этом сражении играли массированный огонь артиллерии, массированные же атаки кавалерии и фланговые манёвры немецких колон. В этой ситуации всё же некоторые командиры находили оригинальные способы использования штыка. Так, подполковник лейб-гвардии Йымайловского полка В.И. Тимофеев использовал штыки как психологическое оружие против французских кирасир. Так он писал: «По приближении кавалерии, я скомандовал на ружу батальону, предварительно настроившему в каре, и, спрятавшие запертые спреции, приказал людям звать только штыкими в стороны, будучи уверен из опыта, что на мечах, который блеснет, лошади не побудут, а также приведут в ярость тех гусарей, которых кирасиры привыкли бы привлекать к фронту». Это распоряжение имело исключительное последствия³⁰. Действительно, развернутый строй французских кирасир

оставился в замешательстве и стал строить калонну для того, чтобы смыть пехотные кары своей массой. Воспользовавшись замешательством противника, Тимофеос подал свой батальон в атаку на кашалетров: «Я, скомандовал "ура", броскав с ботинком в штыки. Передние караулы, не имея прочного фронта, были жервами наших штыков, опрокинутые на свою кашалону, смешали еще более топу, и обратились все в беспорядок. Тогда я приказал открыть по них батальонный огонь и тем было довершено поражение²⁵. Этот же приём отступления пражских пехотных полков использовала прусская пехота под командованием Клаузевица в боях с французами в 1807 г. Как видим, простыми приёмами не обходили ни обычные офицеры, ни крупнейшие военные теоретики, кем был Клаузевиц. Солдаты других пехотных полков в творчестве использования штыка носили ещё дальше. Так, гренадеры Кексгольмского пехотного полка испытывали ружья с примкнутым штыком как мстительные дротики.

3. Роль М.И. Кутузова во внедрении в русской пехоте тактики штыкового удара.

Не изменил традиционного отношения к штыку как к вспомогательному оружию и М.И. Кутузов. Хотя относительно его первоны сложились мифы, близкие к «супороским». Так, у уже цитированного Блоуза мы можем прочитать утверждение о том, что «Ученик Суворова, великий познаватель М.И. Кутузов (1745–1813 г.) много внимания в обучении войск уделял умению владеть штыком»²⁶.

Чтобы не отвлекаться от основной темы, мы не будем спаривать «учительство» Суворона и «учебчество» Кутузова, хотя это не соответствует исторической действительности. Не понятно, на основании каких документов и фактов автор сделал вывод об обучении Кутузовыми войск владению штыком? Из множества опубликованных архивных материалов, связанных с деятельностью М.И. Кутузова, тактическое обучение войск отражено лишь в «Предисловии М.И. Кутузова Н.Ф. Румянцеву о боегром порядке построения войск в сражениях с турецкими войсками. От 1808 г. 27 августа». В нём говорится: «Белое оружие, будучи во многих случаях зория весьма полезным действителем, прошу пехоты в войне с турками назначается не иначе употреблять иное, как по повелению предводителя войск или главных начальников отрядов²⁷. Боевые действия против турок отличались от действий против сирийского противника и имели свою специфику. Здесь основной упор, как и в прежние времена Румянцева и Суворова, делался на использование построений в каре и артиллерийский и ружейный огонь. Из европеизированных Кутузов заснул только с французами и воевал по правилам общепринятой

линейной тактики. А каких-либо нормативных документов, в которых прописывались приемы обучения нижних чинов какими-то особенностями приёма, нет. Так что перед нами банальный, ставший, к сожалению, уже традиционным, приём «одомысливанию» на «пустом месте».

4. Влияние итогов войн наполеоновской эпохи на изменение ряда штыка и штыкового боя в тактике пехоты.

После завершения эпохи наполеоновских войн, в 30-х годах XIX столетия, в русской армии были почти полностью утрачены традиции, заложенные в период войны Екатерины Великой. Ещё во время кампаний 1805–1815 гг. были не только живы, но и принимали активное участие в сражениях османо-турецкие атаки. Причём в стране оставались не только генералы и офицеры, но и солдаты-ветераны, обученные по прежним, «османским» методикам. Последней потерей истеранско-корпуса и широкое наследование устаревшей прусской системы, привнесением которой оставался император Александр I, привела к достаточно печальному последствию. Основной упор в обучении войск стал делаться на красоту выполнения шармелиальных приёмов, шагистику, на соблюдение параллельности строя. Всё это шло в ущерб даже минимально необходимой боевой подготовке войск. В 20-х годах при Александре I русской армии пытаясь цветом раскраски и реализовались планы покойного императора Павла I. Отец успел привить своим сыновьям Александру и Константину любовь к прусской мундире. Русская пехота и её особенности гвардейцы были вынуждены до состояния живых оловянных солдатиков, чётко выполнявших все декоративные приёмы с оружием и идеально сохранившими свое место в сокрушитом строю. И всё же по инициативе ряда военных деятелей того времени была предпринята первые попытки к изменению сложившегося положение вещей. Опыт наполеоновских войн подтолкнул военных в изменению взглядов на роль штыка и штыковой подготовки русской пехотинцы. Падишах во взглядах на роль штыка во многом были связаны с успешным применением всеми противоборствующими сторонами рассыпного строя и стрелковых пехот. При таком ведении боя часто возникала вероятность рухнувшего боя, к которому бойцы были совершенно не подготовлены.

Первые документальные свидетельства о внедрении систематического обучения фехтования на штыках в русской армии относятся к 1820 году. Именно в этом году при учебном батальоне 2-й армии начали проводить занятия по фехтования на штыках. Подтверждение этому мы находим в одном из приказов по учебному батальону, состоявшему при штабе 2-й армии, в котором говорилось следующее: «Для уразумения с фехтования на штыках каждого полк должен доказывать по 4 штыка и по 8 первократных победоносит

лаз»²⁸. И первыми инструкторами фехтования на штыках в русской армии были не свои домородные специалисты, а иностранцы. Для этих целей специально выписывались австрийские преподаватели. И здесь нельзя обининять русских генералов в отсутствии патриотизма и проконсия перед всеми иностранными. В обращениях к зарубежным специалистам были объективные причины. У нас на то время отсутствовала своя школа фехтования и, самое главное, традиции штыковых поединков. Этому были веские причины. Первые методики фехтования на штыках в Европе создавались на основании уже отработанных систем фехтования на шпагах, традиции которых к 20-м годам XIX в. насчитывали уже несколько сот лет. В России саронейские науки, среди которых было и фехтование, культивировались не более ст. лет. Само же фехтование в России не получило должного признания и широкого распространения в дворянской среде, поэтому мастеров, знакомых с этим вопросом, у нас насчитывались единицы. У российских дворян фехтование, в отличие от Западной Европы, не было неотъемлемой частью жизненного уклада, так же как и фехтовальные дуэли, весьма редкие в России на протяжении всего XVIII в. А, как известно, для того, чтобы создать фехтовальную школу, вырастить мастеров и подготовить достойную смесь учеников, нужна целая эпоха. В России, в силу её культурно-исторических традиций, к началу XIX в. такая база ещё не формировалась. Единицы русских дворян были знакомы с основами маложного фехтования, а боевых приёмов, к сожалению, речь ещё не шло.

Весьма показательный пример, подтверждающий мою версию, появляется в романе Александра Дюма «Учитель фехтования», написанный на основании дневника Огюстена Гринье, известного в 20-е годы мастера фехтовального искусства. Это человек в 1823 г. приехал в Санкт-Петербург и сколько полутора лет преподавал фехтование в Главном инженерном училище. Перед назначением на должность ему пришлось показать свое мастерство Константину Павловичу. Цесаревич к этому времени уже имел базовую подготовку в спортивном фехтования. Но Грэнье удивил его боевыми приёмами защиты первого со шнагой против капитан-рекрута, вооружённого пикой. Именно демонстрация незнакомых боевых приёмов помогла мастеру получить протекцию от Великого князя и в последующем – хорошее место.

В том же 1820 г. эксперимент по внедрению фехтовального боя на штыках был произведён в полках императорской гвардии в Санкт-Петербурге. Вот как описываются эти события, произошедшие в 1820 г. в Лейб-гвардии Преображенском полку, в воспоминаниях офицера Лейб-гвардии Измайловского полка А.С. Гангубэрова: «С другой стороны, и образование солдат не вполне отвечает той цели, к которой он назначен, имея право

изажигать красавицу. Для этого, право, ему даны ружья, митры и тесаки, но ни одним из этих оружий (за исключением разве учебных ружейных приемов) солдат владеть не умеет: скрывающие в цель его не учат; я проступаю пять лет в погону и мы не однажды спрашивали: не было бы, да и не скажешь, чтоб такие учения производились. О митре как-то была речь: выписали фехтовального инструктора из Австрии. Давы показать превосходство ученого бойца в сравнении с мечтуном, собрали мозгода-гренадеров и посыпали их на азиаты; митра, а митра ложко и умрёте прищепки, и тогда до того разодрали гренадера, что звон, оборвавший ружьё, лягши митри прислонили в грудь. С тех пор вопрос о бое на штыках не возникал. Чего же ждет до тепла, то вы из колес никогда не вынимали и тем самым увеличивали опасность вооружения рабочего. Стараясь этого, солдата не упражняли в выносливости, не производили походных переходов в полной амуниции и т. п. рассказывали, что Ермаков однажды присутствовал при разводе одного из батальонных бригадира Михаила Павловича Рамзеля удачно превосходил; государь был до того доволен, что в знак своего благородства дал руку полковому командиру. Все радовались, все ликовали. Михаил Павлович, который при подобных случаях всегда считался большим всех, быстро подошел к Ермакову и спросил: «А у вас, Александр Петрович, как ходят?» – «Да случайно, выше высоты, что вертят по трапециям делают в сущем», – был ответ²⁹. Но на этих событиях эксперименты по внедрению фехтования на штыках в Российской Императорской армии всё же не закончились.

5. Николаевские эксперименты.

За несколько лет до вступления на престол Николая I, ещё при жизни Александра Павловича, их средний брат Цесаревич Константин Павлович в 1823 г. решил внедрить обучение штыковому фехтование в подчинённых ему войсках. Так началась полноценная эпоха первых экспериментов по обучению русских солдат практикам фехтования на штыках.

Как наместнику Царства Польского в то время ему подчинялась армия Царства Польского, в которой состояли польские пехотные полки и русские войска в Польше. В том же году в Варшаве опытные австрийские инструкторы начали обучение штыковому фехтование по одному унтер-офицеру от каждого из гвардейских полков. В следующем, 1824 г. для повышения качества обучения фехтование на штыках в Варшаву выписали отставного австрийского капитана Ренггау. Обучение проходило в школе подпрапорщиков. От каждого полка в обучение к Ренггау направлялось по три человека. После четырёх-пяти месяцев занятий обученные юнкеры получали звание инструкторов и в октябре

1824 г. были отправлены в свои полки. При полках образовывались школы фехтования. Надзор над полковой школой осуществлял младший из штаб-офицеров полка, также ему подчинялись по одному обер-офицеру от каждого батальона. В полковой школе одновременно обучались фехтованию на штыках по одному унтер-офицеру и двум рядовым от каждой роты. Прогресс в обучении фехтованию был столь успешен, что в мае 1825 г. в Варшаве в присутствии императора Александра I были проведены показательные бои: «...и они, в присутствии Его, профлагая все фехтовальные приемы и перемены, дрались с зводом против азедо, и бились попарно (fazzani)»³⁰. И при новом императоре, Николае I, войска Цесаревича Константина продолжали совершенствовать владение штыком. К 1829 г. число инструкторов штыкового боя выросло в каждой роте до одного из каждые десять рядовых. С неизбыта того же года штыковое фехтование было официально включено в программу обязательных спортивных учений и возложено на ротных и батальонных командиров. Также к этому времени на основании обобщения шестилетнего опыта обучения фехтованию было составлено первое учебное пособие по обучению боевым приемам со штыком. Впервые эта инструкция была опубликована в 1830 г. за страницах «Военного журнала».

Австриец Ренгау не успокился достигнутым успехом в промышленной Варшаве и устремился в столицу. Но в Санкт-Петербурге он столкнулся с конкурентом – Главным фехтовальным учителем Императорской гвардии господином Вельцилем, также разработавшим свою методику обучения фехтования на штыках. Итак, столкнулись интересы двух иностранцев – австрийца и француза. О русских же корнях школы фехтования на штыках вообще говорить не приходится.

Система штыкового боя по Вельцилю оказалась крайне сложной и сокрушительно не отвечала требованиям реального поединка, больше походила на балет. Система Ренгау была лучше адаптирована к задачам ближнего боя, но также имела ряд недостатков, препятствовавших широкому и быстрому освоению ее в войсках. Несмотря на это, Ренгау было разрешено заниматься обучением нижних чинов Гвардейского корпуса штыковому бою в Санкт-Петербурге.

В октябре 1837 г. Ренгау пишет прошение на Высочайшее имя с просьбой разрешить ему издание инструкции по штыковому бою, разработанной в Варшаве еще в 1823–1830-х годах. В дальнейшем австриец предполагал распространить свою инструкцию на всю действующую армию. О целесообразности введения в войсках «системы Ренгау» возникла переписка на высшем уровне, включая начальника штаба Действующей армии и самого императора Николая I. О системе обучения штыковому бою создал гвардии в

переписке отмечалось, что «при обучении пехотных чаинок фехтования на штыках руководствуются в отдельном Гвардейском Корпусе практиками, примененными в уставе...»³¹. О шансах внедрения системы Ренгау отзыва были крайне негативные, и против этого приводились следующие аргументы: «причины фехтования на штыках по методу Ренгау, требуют большого напряжения сил и оние выносить могут только те из обучавшихся, которые склонны к крепкого самолюбия, а все прочие, подвергаются неизбежному изнурению и таким болезненным припадкам, которые разделяются им чрезвычайного напряжения; и в последствии становятся к службе неспособными...»³². Основываясь на полученных практических результатах, Начальник штаба Действующей армии просил императора «об измене обучения фехтования на штыках»³³. Действительно, «система Ренгау» была крайне сложна для обучения, на основе приёмов требовалось много времени, зачастую в ущерб другой, не менее важной подготовке солдата. Воинам требовался упрощенный вариант системы – лёгкий в освоении всеми солдатами в пехоте, независимый от физических данных. Мнение же самого императора было склоняющим: «как как искусство фехтования, во многих случаях может быть потешно, особенно в единичном бою, то Его Величеству считал бы необходимо обучать своему застрелщицам, но по практике менее сложных и применяемых единственно к вышеизложенной цели, т. е. нападению и обороне в рассыпном строю»³⁴.

Для поиска компромисса в этом вопросе Николай I учредил Особый комитет. Этот комитет, и сию очередь, вынес следующий вердикт о том, как и в каком объёме необходимо проводить обучение фехтования на штыках: «...как сказать в рассыпанном строю весьма редко может встретиться случай драяться в единичном бою с гвардиицами, то Комитет считает возможным вести фехтование обучение во всех войсках, а попадая полезным, ознакомить с оным только застрелщицам, в свободное же от других занятий по службе время, можно ли повторять практика в ротах»³⁵. Выводы Особой комиссии были одобрены императором. В дальнейшем Николай повсюду отмечал упрощённые правила по обучению фехтования на штыках. По этим правилам предполагалось обучать по всей армии только один застрелщик. Инструкторов по фехтованию на штыках планировалось готовить в Образцовых пехотном наряду. Со вступлением в силу этих решений, а именно на основании приказа № 84 по Военному ведомству от 27 октября 1837 г. отменялось обучение фехтования на штыках по «системе Ренгау».

Именно после вышеописанных событий на лицу, если можно так выражаться, вступают русские специалисты фехтования на штыках. В 1843 г. печатается книга поручика Соловьева, занимавшего должность помощника

Главного фехтовального учителя Гвардейского корпуса господина Вальвиля. Возможно, книга Соколова была продолжением именно той упомянутой инструкции, которую разработали в Особой комиссии. Но, несмотря на все оптимистические начинания, индивидуальная подготовка русских солдат штыковым бою осталась лишь на бумаге.

Именно такое положение дел со штыковым фехтованием ярко продемонстрировали Крымская война (более известна на Западе как Восточная война). В этой войне русским пришлось после долгого перерыва столкнуться с передовыми армиями того времени – британской и французской.

Опыт войны показал полное отсутствие навыков ближнего боя не только у солдат, но и у офицеров, которые так же, как и их подчиненные, абсолютно не умели владеть своим личным оружием, в данном случае – саблей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бажеко Ю.Н. Руковиный бой в боевой и финской подготовке войск // Русское боевое искусство – РОСС. 1999–2000. № 4–5.
- 2 Тараторин В. История боевого фехтования: Развитие тактики ближнего боя от древности до начала XIX века. Минск, 1998. С. 366.
- 3 Тарас А.Е. Техника боевого фехтования: практическое пособие. Минск, 1999. С. 4.
- 4 Ланциорин А. [1763–1831] // РС. 1908. № 4. С. 235.
- 5 Его Императорского Величества воинский устав о Полевой военной службе с планами. М., 1797. С. 203.
- 6 Там же. С. 21.
- 7 Тактические принципы или наставления конским сподечником с планами. СПб., 1794. С. 1.
- 8 Пописной устав о почтовой службе. Штрафы рекрут. [1811 года]. Ч. 2. СПб., [1817]. С. 39.
- 9 См. Бажеко Ю.Н. Указ. соч. С. 8.
- 10 Наставление генералам военным офицерам в день сражения // Военный сборник. 1902. № 7. Июль. С. 249–241.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Воспоминания суворовского солдата Турия // Солдатская библиотека. СПб., 1900. № 251. С. 10–11.
- 14 Шниглин В.Н. Первая польская кампания. 1806–1807 гг. М., 2002. С. 267.
- 15 См.: Тараторин В. Указ. соч. С. 366.
- 16 Рассказ о Бородинском сражении отдельного унтер-офицера Тихонова, записанный в 1830 году // Чтения в ИОНЦР. 1872. Кн. 1. С. 116.
- 17 Записки С. Г. Волконского (декабриста). СПб., 1902. С. 23.
- 18 Соколов О. Армия Наполеона. СПб.: Издатель 1999. С. 190.
- 19 Зотов Р.М. Рассказы о походах 1812-го года // Россия двинулась смысъ: Записки об Отечественной войне 1812 года от участников и очевидцев. М., 1988. С. 480.
- 20 Давыдов Д.В. Воспоминания. М., 1940. С. 97.
- 21 Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001. С. 501.

²² Там же. С. 520.

²³ Там же. С. 521.

²⁴ Из записок В.И. Тимофеева // Харькович В. Вып. 2. С. 179.

²⁵ Там же. С. 180.

²⁶ См.: Бажеко Ю.Н. Указ. соч. С. 8.

²⁷ Кутузов М.И. Т. III. С. 60.

²⁸ РГВИА. Ф.14657. Оп.11/182 в. Св. 8. Д. 75. Канцелярия Начальника Главного штаба 2-й армии. 18 августа 1820 г. Г.-л. Сабанев о Учебном батальоне. Л. 66.

²⁹ Гангибаш А.С. В д-ть Императорскому полку 1821–1825 // Петербургские декабристы. Сборник. СПб., 2000. С. 98.

³⁰ О ружейном фехтованиях введенных в войсках, под Высоким Начальством Генералы Цесаревича находящихся // Военный журнал. 1830. № 2. С. 54.

³¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 92. Д. 346. По письму начальника Главного Штаба Действующей армии, о доставлении ему сведений, утвержденных ли правила фехтования на штыках, изданные обучавшим в Гвардейском корпусе сему искусству капитаном Ренту и следует ли принять их с руководством в войсках Действующей армии. 15 октября – 14 ноября 1817 года. Л. 3.

³² Там же. Л. 4–4 об.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 5–5 об.